

ОСТРОВ

Повесть

В тот день Ганс проснулся первым. Лежал, приоткрыв глаза, смотрел на беленую стену и пытался удержать за хвост сегодняшний сон. Вспомнил, наконец, канву и снова удивился — насколько все было в этом сне реалистично и как логично сплетались все кончики сюжета. Прислушался — снаружи было тихо, Гретель не звенела чашками, не напевала своих странных мелодий. Протянул руку влево и улыбнулся — вот же она, рядом, лежит, закутавшись в простыню с головой, тихонько посапывает.

Раз уж удалось проснуться раньше, пойду сварю кофе, подумал он. Осторожно, чтобы не разбудить, встал, натянул вылинявшие шорты, выскользнул за дверь на террасу. Солнце только что выглянуло из-за Миндального холма, значит время — восемь пятнадцать.

Он прошлепал босыми загрубевшими подошвами по прохладному камню в дальний угол террасы, над самым садом, и разжег плиту. Пора было идти вниз, в город, за баллонами, но на сегодня-завтра газа еще должно было хватить.

Ганс не спеша крутил ручку кофейной мельницы и, чуть щурясь, смотрел вниз — через просторный сад с десятком деревьев и зеленой короткой травой, на плавный серпантин, на город и на Адмиралтейскую бухту. Море сегодня было совсем тихим, зеркальным, и только расходились клином волны от узкой рыбацкой лодки, возвращавшейся с утренним уловом.

— Доброе утро, Ганс! — Хозяйка выплыла из-за угла, за ней следовала чернокожая служанка с корзиной белья на голове. Миссис Ройс содержала свой небольшой пансион в идеальном порядке, не жалела воды на стирку и мытье полов, хотя даже и ручьев на острове не было — собирали в огромные бочки дождевую воду, по хитроумным желобам стекавшую с плоских крыш. Заканчивался сухой сезон, бочки были полупустыми и гулко отзывались, если стукнуть кулаком по нагретому железному боку.

Ганс и Гретель жили в пристройке с отдельным входом, не платили за пансион — да и нечем им было. Помогали миссис Ройс: Ганс возил из порта припасы, покупал рыбу, пилил и колол дрова, Гретель работала в саду. Сегодня, кажется, был выходной, но Ганс точно не помнил. Дни были слишком похожи один на другой.

Кофе начал приподниматься темным куполом, когда дверь скрипнула и Гретель высунула встрепанную голову.

— А, почуяла запах?

— Да! Налей мне, сейчас приду!

Через минуту она появилась, в наброшенном саронге, с коробкой самодельных сигар, примостилась у столика, с наслаждением закурила. Дым поднимался вертикально вверх.

— Что тебе сегодня снилось? — спросила она. — Интересное или страшное опять?

— Нет, не страшное совсем. Но странное, да.

— Расскажешь? Или там опять были посторонние девушки?

— Да ну тебя! Не было девушек. Но я жил в очень странном здании.

— Один, что ли?

— Да, один. Вернее, с соседом — у нас была у каждого комнатка, в половину нашей, общий душ и туалет. Гретель поморщилась, видимо, представив, как это — общий душ с неизвестным соседом.

— А что было у тебя в комнате?

— О, это я хорошо помню. Кровать, очень узкая. На одного человека. Даже тебя бы рядом не втиснуть.

— Перестань льстить, я же знаю, что я толстая.

— Совсем не толстая. Да, так вот... Еще был столик вроде нашего, с лампой под зеленым абажуром. Два стула. И высокий шкаф, а в нем на полках стояли книги. Очень много книг!

— Сколько?

— Ну меньше, конечно, чем в библиотеке в городе. Но думаю, штук двести было.

Она слушала недоверчиво, чуть наклонив голову.

— И все разные. Я помню, что на средней полке, куда легче всего дотянуться, стояли толстые, потрепанные книги. Нужно было очень быстро их читать и запоминать. Это было тяжело, я нервничал.

— Почему? Кому нужно было запоминать? Зачем?

— Хм... — Ганс растерянно пощипал короткую светлую бороду. — Не помню, — признался он. — Сосед мой тоже сидел целыми днями и читал свои книги. Но это не самое удивительное.

— А что самое? — Она отставила допитую чашку, подалась вперед, оперлась подбородком о ладонь.

— Самое было снаружи. Когда ты выходил из комнаты, то попадал в длинный коридор с сотнями дверей. Надо было долго-долго идти по нему, потом ехать на лифте. Помнишь, я тебе рассказывал про лифт?

— Да помню, ты каждый раз спрашиваешь! Давай дальше!

— Потом опять идти по коридору, но уже очень красивому, в мраморе, с картинами по сторонам. И ты приходил... — Он сделал паузу, принялся раскуривать сигару.

— Куда приходил? Что ты дразнишься! — она протянула руку и дернула его за ухо.

— Ну дай же раскурить! — он в шутку отбивался свободной рукой. — Приходил в магазин! Там можно было купить еды.

— И все это в коридоре?

— Да, в смысле — не выходя на улицу. А еще там были лифты, которые поднимали очень высоко. На самом верху можно было выйти и посмотреть в окно.

— А там что?

— Там было плохо видно, — признался он. — Высоко очень. Этажей, наверное, двадцать или тридцать. Внизу был город, тянулся страшно далеко, а моря не было.

— Хорошо, так что ты там делал, во сне? Кроме того, что читал толстые книжки?

— Практически ничего. У меня было всего несколько дней, я подсчитывал иногда, успею ли все прочесть. Мы с соседом по очереди ходили в магазин за едой. Или просто покупали бутерброды, на двоих. Я с ним даже не успел толком поговорить, потому что он тоже спешил.

— Ну и зачем все это было нужно, ты хоть понял? — продолжала допытываться Гретель. Видно было, что она слегка раздражена такими нелепостями.

Ганс попытался еще раз растолковать железную логику сна:

— Надо было прочитать толстую книжку, запомнить ее, а потом прийти и ответить на вопросы.

— Какие вопросы? Про что? Про то, что в книжке?

— Ну разумеется, иначе зачем ее читать?

— А зачем это нужно? Неужели нельзя посмотреть в книжке, если так уж приспичило? — недоумевала Гретель.

— Ну, может быть, это была редкая книга? Вообще одна такая?

— Пожалуй, да... Да, конечно. Прости, милый, я не сообразила. — И она снова повеселела.

Такие сны приходили к Гансу довольно часто. И всегда действие происходило в том же самом огромном, невообразимом городе — наверное, в тысячу раз больше, чем их Порт-Элизабет. Там стояли дома в десятки этажей, улицы были во много рядов в одну сторону, и ездили по ним по правой стороне, набиваясь в громадные автобусы. Иногда было так холодно, что приходилось надевать нелепую, тяжелую одежду. Ганс видел уже много разных мест в городе, и каким-то непостижимым образом они между собой связывались, состыковывались, комар носу не подточит. Самые нелепые вещи находили объяснение — например, маленькие книжечки с фотографией владельца и его именем. А как иначе быть, если народу столько, что запомнить всех невозможно? Или вот, мороженная рыба. Сам-то Ганс готовить толком не умел, но Гретель объяснила ему, что на второй день рыба начинает портиться, а если до моря далеко и за день не успеешь довезти, даже на машине?

Гретель тоже видела сны про большой город, но они довольно скоро выяснили, что города были разными, у Гретель поменьше. Зато в нем были две большие реки, и был он красивее. Впрочем, это трудно сказать, — может, она просто была чувствительнее к красоте и умела находить ее там, где другие скользили взглядом, не задерживаясь?

И что-то должно было случиться в Гансовых снах, чего он ждал иногда, со страхом и одновременно нетерпением, но ни разу не дождался. Видимо, должно было — в холодный сезон, когда люди мрачнеют и становятся раздражительнее.

— Милый, ты не забыл, что мы сегодня идем нырять?

Ганс вздрогнул, вернулся в ясное утро. И правда — сегодня все-таки выходной! Он счастливо потянулся, шурясь на солнце, и отправился в комнату, собирать оборудование.

Сегодня Карл из дайв-шопа не работал, так что они думали просто поплавать с маской в бухте, куда еще ни разу не добирались. Там, между прочим, была деревенька со странным названием Пти-Борделло, и Гретель уже язвила по этому поводу: «Может, один сходишь, что я тебе буду мешать?» Ганса подмывало сказать: «И правда, оставайся», — но уж очень было страшно ее обидеть.

Он сложил в сетку ласты, маски, трубки, плавки и купальник, в рюкзак запихнул флягу с водой, положил в карман нож, сигареты и спички, проверил часы. Вроде всё. Подумал — брать ли бутерброды или сейчас перекусить? Но так ничего и не придумал, взял с тумбочки пару яблок, бросил на дно рюкзака. В конце концов, что-нибудь там поймает.

Миссис Ройс сидела в качалке под хлебным деревом — почему-то она совсем не боялась тяжелых плодов, которые иногда падали и разбивались о землю с глухим треском. Гретель жарила их с луком, и они тогда устраивали семейный ужин: почти что жареная картошечка, свежепосоленная рыба, пара рюмок местного рома. Миссис Ройс принимала приглашение, ела немного и с достоинством, потом рассказывала что-нибудь из истории семьи.

Была она мулаткой, но на острове почти никого белее и не было, мулаты представляли местную аристократию. Ройсы происходили из массачусетских, точнее, нантакетских китобоев, которые в начале двадцатого века откочевали в эти благословенные края, повыбивши всех китов на Джорджес-банке. Дед миссис Ройс обосновался в Порт-Элизабет, отец женился на местной красавице и ходил отсюда в море до старости, а сама она вдовела который год и даже вернула девичью фамилию — не доживать же век никому не известной миссис Грин.

Ганс, когда увидел ее в первый раз, вдруг вспомнил бабушку своего школьного друга. Он приехал к ним на море с отцом, хозяйка так же величественно держалась, осмотрела их и молча проводила в комнату под крышей. Когда друга его звали обедать, Ганса усаживали за стол без разговоров: «Дети должны есть суп». А когда уезжали, отец протянул деньги за месяц. Бабушка отделила половину и протянула обратно. Отец удивился: «А в чем дело?» «Мальчик здесь в гостях», — проговорила она царским тоном, повернулась и вышла, не слушая возражений.

Ганс потряс головой, в который уже раз. Он никак не мог понять — почему он помнит какие-то давние истории так ясно, а что-то, что явно было позже, совсем вылетело из памяти. Он подозревал, что и город из его снов ему знаком, но имя ускользало, и что он там делал, когда, зачем — не вспоминалось. Да он, честно говоря, не очень и беспокоился: ему было чем заняться.

Гретель вернулась из сада с корзинкой инжира, отобрала несколько штук, сунула ему в рюкзак, остальные поставила у заднего крыльца, в тени.

— Миссис Ройс, я собрала инжир, очень спелый! Мы побежали! — крикнула она через плечо и полетела, тонкая и длинноногая, вверх по тропинке.

Ганс вздохнул: он никогда не мог так легко скакать по горам. «Надо бросать курить, что ли», — привычно подумал он, потом так же привычно вспомнил, что и Гретель курит, махнул мысленно рукой и отправился следом.

В этот раз, однако, и Гретель в конце концов притомилась. Солнце было уже высоко, а они не дошли еще до перевала. А ведь этот кусок был покороче — их дом стоял высоко, а идти нужно было на другую сторону острова и спускаться к самому морю. К тому же они шли по обочине дороги, а вниз вела тропа, неизвестно еще, в каком состоянии.

Поднявшись на перевал, они присели в тени, глотнули воды, и Ганс спросил:

— Ну что, не передумала?

— А ты сам не устал? Тебе еще завтра идти за баллонами.

— Так это завтра!

И они тронулись вниз. Тропа была не так плоха — сухая, хоть и каменистая, большей частью затененная. Ганс старался не думать про обратную дорогу, хотя в голове вертелась странная фраза: «Какой длины ни задай полет — обратный кажется, что длиннее». Разговаривали мало, следили за дорогой, и постепенно тропа выравнивалась, пошла по ровному месту, а вскоре впереди показался просвет и полыхнул океан.

Деревня стояла чуть в стороне, а на берегу сидели у костерка несколько голых по пояс негров, жарили рыбу на решетке. «Ганс, — попросила Гретель жалобно, — давай купим у них рыбы!» Мелочь еще оставалась, и они направились к костру.

Рыба была очень мелкая и какая-то непривычная — вроде рыбы-иглы. Но пахла соблазнительно. Самый страшный на вид негр снял решетку с огня и завопил, когда Гретель попыталась взять рыбку: «Не отсюда! Бери из кастрюли, там с соусом!»

И правда, новые порции ссыпали в большую кастрюлю без ручек, примостившуюся между камней, и поливали местным перечным соусом. Было необыкновенно вкусно, Ганс и Гретель еле оторвались, а негры уже, видимо, не могли проглотить ни кусочка и валялись вокруг, попыхивая сигарками. Один любовно сворачивал косяк, другой отговаривал его: «Рано еще, подожди до полудня хотя бы». Ганс протянул главному мелочь, тот недоуменно воззрился на него. Потом расхохотался: